

С. А. БЕЛЯЕВ

ПОХОД КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА НА КОРСУНЬ (Его последствия для Херсонеса)

В установлении христианства на Руси поход на Корсунь великого киевского князя Владимира Святославича имеет ключевое значение. В литературе этому событию уделяется большое внимание. Интерес к нему возрос в юбилейном 1988 году. Нет практически ни одной работы, появившейся в связи с празднованием 1000-летия крещения Руси, где бы не рассматривался вопрос о Корсунском походе Владимира и о его крещении и венчании с византийской принцессой Анной¹. Отношение к летописному тексту в большинстве работ скептическое; в них отрицается крещение князя Владимира в Херсонесе-Корсуни². Здесь нет необходимости снова поднимать историю проблемы, приводить доводы и контрдоводы сторон — все это можно найти в литературе.

Вряд ли можно считать вопрос о необходимости крещения князя Владимира в Корсуни окончательно решенным, несмотря на обилие сторонников этой точки зрения и вопреки тому, что сообщает «Повесть временных лет». Точка зрения исследователей, отрицающих достоверность сообщения летописи, основывается на увязке корсунского похода князя с событиями, происходившими внутри самой Византийской империи, причем эта увязка произведена не современниками, а ими самими. Современные историки увидели противоречие между хронологией летописи и данных событий, увязанных с корсунским походом и известных по другим источникам. Предпочтение отдается, как правило, не летописной хронологии, да к тому же и другие древнерусские источники не все единодушны в этом отношении с летописью. Но всю сложность этого вопроса показывает статья А. Поппа, которая фактически восстанавливает правоту хронологии «Повести. . .»³. При всей внешней убедительности не всегда

¹ Рапов О. М. Официальное крещение Руси в конце X в. // Введение христианства на Русь. М., 1987. С. 92—126; Прошин Г. Второе крещение // Как была крещена Русь. М., 1988. С. 5—222 (специально о корсунском походе см. С. 149—168); Богданова Н. М. О времени взятия Херсонеса князем Владимиром // ВВ. 1986. Т. 47. С. 39—46; Зубарь В. М., Павленко Ю. В. Херсонес Таврический и распространение христианства на Руси. Киев, 1988. С. 174—185. В этих же работах указана вся последняя литература.

² См. упомянутые выше работы Г. Прошина, О. М. Рапова, В. М. Зубаря и Ю. В. Павленко. Ряд авторов, чтобы как-то выйти из того тупика, который они сами себе создали, утверждая принятие князем Владимиром крещения за несколько лет до овладения городом, выдвинули версию о втором, политическом крещении в Херсонесе. По их мнению, в Киеве было настоящее, но тайное крещение, в захваченном же городе князь вынужден был повторить его, дабы все видели. Но повторное крещение никак невозможно с церковно-канонической и литургической позиций. Христианская церковь признает одно-единственное крещение; это положение в виде догмата было принято на II Вселенском соборе и включено в символ веры в качестве специального, отдельного его члена. «Исповедаю едино крещение. . .», — читается в нем. Следует помнить, что вопрос возник в связи с жизненной практикой, — надо было определить, следует ли заново крестить людей, принявших крещение от епископов-еретиков. После всестороннего изучения и долгих споров этот вопрос был решен отрицательно, и только после этого положения о едином крещении были включены в символ веры.

³ Поппа А. Политический фон крещения Руси: (Русско-византийские отношения в 986—989 гг.) // Как была крещена Русь. С. 240—286.

основательны аргументы, приводимые исследователями для опровержения сообщений летописей о крещении князя Владимира в Корсуни.

Комплексное и системное исследование как письменных так и археологических свидетельств данной проблемы в целом, по-видимому, дело будущего. Здесь будет разобран только один вид источников — археологически-архитектурный. Речь пойдет о состоянии Херсонеса после взятия его князем Владимиром.

Дело в том, что в современной археологической и исторической литературе одним из аргументов, который приводится для обоснования невозможности крещения князя Владимира в Херсонесе, служит то, что город был сильно разрушен при осаде и значительная его часть погибла в грандиозном пожаре. Таким образом, на месте Херсонеса остались одни развалины, среди которых не могло найтись место для проведения обряда крещения⁴.

В последнее время эта точка зрения получила довольно широкое распространение в зарубежной исторической литературе, в частности в работах А. Поппэ, В. Водова и М. Арранца⁵. Не будучи сами никогда в Херсонесе и не занимаясь им специально, эти исследователи получали информацию из вторых рук — работ советских археологов, в основном А. Л. Якобсона и Д. Л. Талиса, причем делали это, не вникая в аргументацию и обоснованность их выводов. Такой метод исследования литературы привел к положению, что наблюдение археологов, не всегда точное и обоснованное, превратилось в бесспорный исторический факт, имеющий определенное значение при осмыслении и интерпретации исторических событий большой важности и влияющий на их оценку.

Мое участие в течение почти 20 лет в раскопках Херсонеса (из них 14 лет руководства Херсонской экспедицией Института археологии АН СССР, проводившей исследования на большой площади в разных местах и частях города), ознакомление в течение длительного времени с раскопками других экспедиций, наконец, исследование материала из старых и новых раскопок позволили на эту проблему посмотреть под другим углом зрения, чем 40—50 лет назад. К тому же, как уже отмечено выше, за последнее время были вскрыты новые большие площади. Эти обстоятельства дают основание вновь вернуться к проблеме влияния на Херсонес осады Владимира и подвергнуть ее серьезному анализу. При ее рас-

⁴ Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1950. Т. 17. С. 14—15; Талис Д. Л. Из истории русско-корсунских отношений в IX—X вв. // ВВ. 1958. Т. 14. С. 103—115; Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977. С. 128; Соколова И. В. Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983. С. 9, 53.

⁵ Poppe A. Political Background of the Baptism of Rus: Byzantine-Russian Relations, 986—989 // DOP. 1976. Vol. 30. P. 239 and Not. 146. (Часть этой работы в авторской редакции см. в сб.: Как была крещена Русь. С. 279; Поппэ А. О причине похода Владимира Святославовича на Корсунь 988—989 гг. // Вестн. МГУ. История. 1978. Вып. 2. С. 56—57.) Автор пишет, что «Василий II решил примерно наказать город и сознательно выдал его на разграбление» (Владимиру). И далее дается ссылка на уже цитировавшиеся работы А. Л. Якобсона и Д. Л. Талиса как иллюстрация высказанной мысли и наглядный пример того, к каким результатам привело решение императора отдать Херсонес на разграбление (см.: Vodoff V. Naissance de la chrétienté russe. P., 1988. P. 69; Проф. д-р иеромонах Мигель Арранц и Лоренцо. Чин оглашения и крещения в Древней Руси // 3-я Междунар. научн. конф., посвящ. 1000-летию крещения Руси. М., 1988. С. 2). Автор данной работы не видит никакой необходимости вступать в полемику с утверждением А. Поппэ, заявившим: «Мы предлагаем отказаться от трактовки летописного рассказа о крещении как достоверного первоисточника и лишь несколько искаженного вставками литературного характера» (Поппэ А. О причине подхода. . . С. 48). Историческая достоверность и ценность летописного рассказа в целом признается всеми советскими и зарубежными исследователями, даже теми, которые не принимают отдельные детали, дату похода. Более того, все исследователи отмечают в этом летописном рассказе хорошее знание топографии Херсонеса. См. также: Müller L. Die Taufe Ruslands. München, 1987. S. 101—102. (Автор, один из крупнейших зарубежных специалистов по Киевской Руси, излагает Корсунскую легенду как историческую данность без всяких критических замечаний); Podskalsky G. Christentum und theologische Literatur in der kiever Rus (988—1237). München, 1982. S. 17—24, esp. S. 20 (вопрос о пожаре в Херсонесе после взятия его Владимиром автор обходит).

смотрении наиболее важным представляется выяснение следующих вопросов: что свидетельствуют письменные источники; как возникла «теория» о грандиозном пожаре и больших разрушениях и какие основания для этого вывода были у ее авторов; и, наконец, есть ли данные для такого заключения в свете новых раскопок Херсонеса.

Ни «Повесть временных лет», ни другие летописные тексты, ни какие-либо иные памятники древнерусской письменности домонгольского периода не дают никаких оснований для сделанного А. Л. Якобсоном и Д. Л. Талисом заключения. Необходимо привести два обстоятельства летописного рассказа, относящиеся непосредственно к Херсонесу.

Во-первых, в летописи подчеркивается, что Владимир осадил город, а не штурмовал его. Попытка штурма была сделана (к стене подсыпали земляную насыпь, приспу), но она, как известно, окончилась неудачей. Основной способ, к которому прибег Владимир, согласно «Повести. . .», это блокада города и с суши и с моря, попытка взять город на измор.

И, во-вторых, летописный текст ничего не говорит о каких-либо жестокостях, разрушениях, сотворенных Владимиром в Херсонесе. И это следует из характера похода князя, по своей сути не карательного, с этим согласны все исследователи, за исключением А. Поппэ.

Более того, летописи сообщают, что князь Владимир и принцесса Анна жили в домах, которые находились около той церкви «посреде града», в которой они венчались. Можно полагать, хотя в источниках данные об этом отсутствуют, что нашлось место для жилья и многочисленной свите принцессы и дружине Владимира. В летописном рассказе нет не только прямого указания, но даже и намека на грабежи и разорение города.

Единственным местом, которое может быть хоть как-то привлечено для обоснования тезиса о роковых последствиях взятия Херсонеса, является сообщение Тверской летописи, что «Корсунь разорен бысть от Руси»⁶. Отметим, однако, что это свидетельство стоит особняком и появляется только в середине XV в. — времени создания Тверского летописного свода⁷. Источник этого сообщения не выявлен. Кроме того, «разорен бысть» — не значит сожжен, уничтожен, порушен. А. Г. Преображенский дает такое значение слова «разорить» (с отсылкой на «орить»): утратить, потерять, состояние с вторичными значениями — ниспровергнуть, свергнуть, заставить падать, и т. д. В ряде современных языков это слово действительно приобрело значение «разрушить»⁸. М. Фасмер дает значение — «сокрушать, ниспровергать, свергать»⁹.

Безусловно, приведенные значения слов не соответствуют тому богатству семантики, которая существовала в реальной жизни и попала в памятники письменности. Но уверен, что даже если принять свидетельство Тверской летописи как истинное и опираться на те памятники, в которых это слово употреблено, то сделать на таком основании вывод «о пожаре и сильнейшем разрушении города», как поступает Д. Л. Талис, было бы большой натяжкой. Скорее можно предположить другое. Летописи сообщают (под 988 г.), что князь Владимир, покидая с Анной Херсонес, вывез из города многие предметы церковного обихода — утварь, «кони медяны» и т. д. На каком основании, по какому праву это было сделано — неизвестно; источники на сей счет молчат, а современные исследователи своих соображений пока не высказали. Но так как разногласий в источниках по этому поводу нет, то вывод определенного количества вещей из Херсонеса, в основном предметов церковного обихода, может быть признан за исторический факт. Масштаб этого «разорения» определить практически невозможно. Недавние раскопки в Киеве, например, выявили капиталь из проконесского мрамора такого типа, каких много в Херсонесе. Можно с большой долей вероятности предположить, что она была среди

⁶ ПСРЛ. 1863. Т. XV. С. 103.

⁷ Насонов А. Н. История русского летописного XI—начала XVIII в. М., 1969. С. 188, 249, 350.

⁸ Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. М., 1959. С. 658.

⁹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1987. Т. III. С. 152.

вещей, вывезенных князем Владимиром из Херсонеса, и использовалась при строительстве Десятинной церкви¹⁰. И сколько было таких? Не будет, наверно, большой натяжкой считать, что если и было «разорение» Херсонеса, то именно такого плана. Этимология слова не препятствует этому пониманию.

В связи с разбираемым вопросом нельзя обойти молчанием сообщения ряда источников, которые хотя и не имеют прямого отношения к разорению Херсонеса, но характеризуют поведение князя Владимира в завоеванном городе.

Интересно сообщение выделенного А. А. Шахматовым сочинения, названного им «Житие Владимира особого состава», а в рукописи имеющего название «Оуспение равноапостолом великого князя Владимира—самодержца русския земли, нареченного во святом крещении Василия». Лучший текст памятника, по А. А. Шахматову, сохранился в «сборнике XVII века, принадлежащем библиотеке купца Плугина, а теперь перешедшем в собственность Академии наук»¹¹. В этом памятнике содержится эпизод, который отсутствует в других источниках, а именно, что князь Владимир, после того, как взял Херсонес, «князя Корсуньсково и со княгинию поимал, а дщерь их к себе взял в шатер, а князя и княгиню привязав оу шатерные сохи, и с их дщерию пред ними беззаконство сотворил»¹². Здесь нет необходимости касаться истории создания этого памятника и его источников, можно лишь отметить, что самим А. А. Шахматовым в нем найдено много противоречий и обнаружена близость его с рассказом о взятии Владимиром Полоцка и его поступке с Рогнедой. В повествование о взятии Корсуна, по мнению исследователей текста, сюжет попал из былинного эпоса о Владимире и не передает реальных событий, так что использовать этот эпизод для характеристики поведения князя Владимира в Херсонесе нельзя¹³.

Нет сообщений и о разорении Херсонеса в византийских и восточных источниках. Таким образом, письменные памятники не дают никаких оснований для утверждения о разрушении или сожжении Херсонеса князем Владимиром. И показательно, что никто за исключением уже упомянутых работ А. Л. Якобсона и Д. Л. Талиса из тех, кто говорит о гибельном последствии событий 988 г., на них не ссылается. Все оперируют только данными археологии. Поэтому необходимо выяснить, на какие факты они опираются.

Уже отмечалось, что упомянутая точка зрения является господствующей в советской археологической литературе. От историков и археологов она проникла в обобщающие исследования, и в частности в работы иностранных ученых. Но в них нет своих аргументов, нет практически анализа и исследования, есть только отсылка к трудам других авторов, которые непосредственно занимались херсонесским материалом. Поэтому мы рассмотрим только работы таких исследователей, как А. Л. Якобсон, Д. Л. Талис, В. А. Анохин и И. В. Соколова.

Впервые тезис о разрушении города во время осады его князем Владимиром, о всеобщем пожарище в городе и последующем его запустении сформулировал и ввел в научный обиход А. Л. Якобсон¹⁴. «Русско-византийская война в Тавриде конца X века, — пишет он, — не могла, конечно, не отразиться и на самом Херсонесе. Город в результате длительной осады и военных действий не мог не пострадать. Что Херсон действительно пострадал и очень сильно, показывает археологический материал, именно

¹⁰ Івакін Т. Ю. До питання про кам'яну архітектуру п зньосередньовічного Києва // Археологія Києва: Дослідження матеріали. Київ, 1979. С. 122—124, рис. 12—13.

¹¹ Шахматов А. А. Корсунская легенда о крещении Владимира // Сб. в честь В. И. Ламанского. СПб., 1906. Отт. С. 44.

¹² Там же, С. 46.

¹³ Там же. С. 62—66, 86, 91.

¹⁴ Несколькими годами ранее предположения о пожаре в Северном районе Херсонеса высказал Г. Д. Белов. Но, во-первых, он не связывал его с князем Владимиром, его формулировки мягче; во-вторых, он не придавал ему такого всеобщего значения, как А. Л. Якобсон. Подробнее об этом см. ниже.

слой пожара, датируемый монетами со второй половины IX в. по конец X века и хронологически показательным материалом. . . Весь этот массовый материал вне слоя с монетами IX и X вв. не встречается. Монеты же резко обрываются на времени императора Василия II (976—1025 гг.). Однако вынести дату пожара за пределы X века невозможно, ведь до начала следующего столетия мы не знаем ни одного сколько-нибудь крупного события, с которым такое событие можно было бы связать»¹⁵. И далее: «Теперь уже невозможно установить, каким путем возник этот всеобщий пожар в Херсонесе. — то ли в результате применения греческого огня (а он, несомненно, был известен русским), вызвавшего где-то пожар, распространившийся сильным ветром, то ли по другим причинам. Остается факт: пожар уничтожил значительную часть города. Вся западная половина его заустела и превратилась в пригород — место свалки городского мусора»¹⁶. Заключение автора звучит совсем безрадостно: «После событий конца X века жизнь в Херсоне видимо притихла. . . Полуразрушенный город был брошен на произвол судьбы»¹⁷. Эту же точку зрения А. Л. Якобсон проводил во всех своих последующих работах, в которых затрагивается проблема корсунского похода князя Владимира.

Разрушительные последствия для Херсонеса в результате этого похода видит и Д. Л. Талис. Приведя цитату из Тверской летописи о том, что «Корсунь разорен бысть от Руси», автор разъясняет ее следующим образом: «В полном согласии с этим сообщением летописи результаты многолетних археологических раскопок в Херсонесе показывают, что в конце X века город подвергался пожару и сильнейшим разрушениям»¹⁸. Аналогичная оценка событиям дается и в другой работе автора.

Вслед за А. Л. Якобсоном и В. А. Талисом к подобным выводам приходят В. А. Анохин и И. В. Соколова. «Чтобы заставить императора выполнить соглашение (о пересылке Анны. — С. Б.), Владимир осаждает и захватывает город в 988—989 гг. Урон, нанесенный городу был велик, при раскопках повсеместно отмечается слой пожара X в.»¹⁹. В отличие от других авторов В. А. Анохин ссылок на литературу не приводит.

Последней по времени работой в советской исторической литературе, где проведена эта точка зрения, является книга И. В. Соколовой. Автор пишет: «В 989 г. русский князь Владимир взял Херсон после продолжительной осады. Следы пожара и толстый мусорный слой, лежащие поверх разрушенных зданий X в., на полу которых нередко находят монеты описанных выше выпусков, отмечает это событие на херсонесском городище»²⁰. И еще более категоричное определение: «Однако, после разгрома, который потерпел город в 989 году, он почти столетие лежал в развалинах»²¹.

Даже если судить о состоянии города после осаждения его войском Владимира по приведенным цитатам, а использованы далеко не все места, то положение действительно ужасное, картина удручающая: от города ничего не осталось: ни храмов, ни домов, ни мастерских, в лучшем случае, одни дымящиеся развалины. Почти на столетие прекращается всякая деятельность — замирает торговля, прекращают работу ремесленные мастерские, пустуют дома, точнее говоря, то, что некогда было домами, огромная часть города вообще превращается в пустырь и никогда больше на ней жизнь не возобновится.

Что же конкретно явилось причиной такого страшного опустошения? У всех четырех авторов приводится одна — пожар, который «сгел» значительную часть города. На чем же основывает свою точку зрения, напри-

¹⁵ Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес. С. 14.

¹⁶ Там же. С. 15.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Талис Д. Л. Из истории. . . С. 114. Примеч. 54.

¹⁹ Анохин В. А. Монеты. . . С. 126.

²⁰ Соколова И. В. Монеты и печати византийского Херсона. М., 1983. С. 53.

²¹ Там же. С. 9.

мер, А. Л. Якобсон²². В этом месте у него дается ссылка на отчет К. К. Косцюшко-Валюжинича и отчеты Г. Д. Белова. Это единственные источники для такого заключения, ибо самостоятельно А. Л. Якобсон Херсонес никогда не исследовал. Обратимся к указанным А. Л. Якобсоном источникам.

К. К. Косцюшко-Валюжинич проводил раскопки Западной базилики в 1901 г. Базилика, как известно, примыкает к оборонительной стене и должна была бы прежде всего пострадать от пожара. Но в отчете К. К. Косцюшко-Валюжинича ни о пожаре, ни о каких-либо разрушениях, которые он как-то увязывал бы с осадой города Владимиром, нет ни единого слова. Причем ответ был проверен не только по печатному тексту, который мог быть подвергнут редактированию при подготовке в печать, как это иногда бывало, но и по рукописи, хранящейся в архиве Херсонесского музея. Вот что в отчете пишет автор: «Стена. . . составляет начало той обширной базилики, присутствие которой в этой местности можно было предугадать почти с уверенностью, хотя почва здесь имела вид пустыря и не носила ни малейших следов каких-либо построек, что объясняется теперь очень ранним разрушением описываемой ныне базилики с перенесением из нее всего цельного в другие храмы и часовни восточной части города. . . . Чрезвычайный интерес представляет совершенное отсутствие при раскопках в этой части городища обломков глиняной посуды, монет и других древностей греческой и римской эпох, а также поздневизантийских монет от Романа I включительно, и, наконец, черепов глиняной поливной посуды, которые в восточной части городища, особенно у бухты, встречаются при раскопках в громадном количестве. На основании этих фактов можно вывести заключение, что западная городская стена, ворота и базилика построены в ранневизантийскую эпоху в местности, занятой некрополем раннего периода, что постепенно падая, город передвигался к востоку и окончил свое почти двухтысячелетнее существование там же, где и начал его, т. е. у прекрасной бухты. . . что в царствование Романа I, монеты которого сотнями находятся при самой незначительной раскопке, „западная базилика“, описанная выше, лежала уже в развалинах и все ценное у нее было перенесено в другие храмы и часовни восточной части города. . .»²³

Как видно, ни о каком пожаре, ни о каком разрушении речи нет. Автор пишет лишь о более раннем, чем в других местах, запустении этой части города, ссылаясь на отсутствие поздних монет и поздней керамики. Действительно, это наблюдение К. К. Косцюшко-Валюжинича долго бытовало в науке, давая повод всевозможным спекуляциям. Объяснение этого явления было получено лишь в 1982—1984 гг. и явилось одним из важных результатов работы Херсонесской экспедиции ИА АН СССР. Подробнее о ней будет сказано ниже.

Далее А. Л. Якобсон ссылается на результаты работ Г. Д. Белова в 1931—1933 гг. на северном берегу Херсонеса. Ссылки даются на три места из отчета. Проверка их привела к следующим результатам. В одном месте не только о пожаре, но ни о каких разрушениях или перестройке зданий речи нет вообще²⁴. Во втором случае речь идет о насыпи ряда помещений (№№ 9-а, 12-а, 21-а) мощными слоями (глубиной около 2 м) мусора, привезенного, по мнению автора, из других районов города. «Насыпь второго слоя, — пишет автор, — по своей толщине является мощной по сравнению со всеми другими слоями; обычно ее толщина 2 м и больше. Произошла она в результате свалки мусора, который свозили в этот район из других мест города, после того, как район был разрушен. . . Монеты, найденные в большом количестве на полу помещений 9-а, 12-а и др. относятся к IX—X вв. более поздних монет не найдено. На основа-

²² Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес. С. 15.

²³ Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет за 1901 г. 14-й год раскопок // Архив ГХМ. Д. 10. Л. 4—5, 11—12.

²⁴ Белов Г. Д. Раскопки в Северной части Херсонеса в 1931—1933 гг. // Материалы по археологии СССР. М.: Л., 1941. Вып. 4. С. 259.

нии этого можно предполагать, что эти помещения погибли, приблизительно, в конце X в. . .»²⁵ На предыдущей странице, рассказывая о раскопках помещения 9-а, Г. Д. Белов сообщает: «На полу слой пожарища — сажа и куски угля»²⁶.

И, наконец, последнее место в отчете Г. Д. Белова, к которому отсылает А. Л. Якобсон. Это раздел выводов, касающийся периода V—X вв. Он завершается следующими словами: «В конце X или на рубеже X—XI вв. над городом или над данной его частью разразилась катастрофа: все здания погибли в пожаре и были разрушены. Этот квартал и вся западная часть Херсонеса, как показывают раскопки прежних лет, надолго запустили и были обращены под свалку городского мусора»²⁷. Здесь Г. Д. Белов дает отсылку на то же место в отчете К. К. Косцюшко-Валюжинича, к которому апеллирует и А. Л. Якобсон.

Таким образом, у Г. Д. Белова о пожаре, причем локальном, затронувшем одно помещение, одну комнату в доме, речь может идти лишь в единственном случае. Этот пожар, судя по тексту опубликованного отчета, не распространился даже на дом целиком, не только на соседние дома. Правда, в своих выводах автор говорит уже о пожаре в более широком масштабе, но оснований для этого ни в его собственном тексте, ни в других отчетах мы не нашли, и ссылки на какие-либо конкретные факты в его отчете отсутствуют. Ссылка на раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича 1901 года в районе Западной базилики, как было показано выше, совершенно беспочвенна. В лучшем случае речь может идти о запусении, о прекращении жизни на исследованных Г. Д. Беловым и К. К. Косцюшко-Валюжиничем участках в отмеченный ими период и только. Как отмечает далее в своем отчете автор, на смену разрушенным и засыпанным домам строились новые. Когда это произошло, Г. Д. Белов не уточняет. По его словам, новые дома стоят до XIV в. и гибнут в период окончательного упадка Херсонеса²⁸. Г. Д. Белов, кстати, не связывает четко и прямо разрушение домов V—X вв. с князем Владимиром, хотя намекает на это содержание в его хронологическом определении их гибели — конец X—рубеж X—XI вв. Но прямой ассоциации в его тексте нет, она появляется только в работе А. Л. Якобсона.

У Д. Л. Талиса набор доказательств такой же. Поскольку его работы вышли позже, то к ссылкам, имеющимся у А. Л. Якобсона, прибавилось несколько новых, — тоже на раскопки Г. Д. Белова на Северном берегу, но проведенные в последующие годы. Посмотрим, что за ними скрывается.

Ссылок всего две. В одной говорится, что в помещениях 20, 21, 22 и 24 на полу под слоем черепицы (в помещении 21, о черепице в остальных помещениях не упоминается) находился слой сажи и углей, следовательно, они погибли в результате пожара. Отметим, что даже не весь дом, а часть дома²⁹. В отношении других домов, находящихся рядом и также раскопанных, наличие слоя пожарища не отмечено. Вторая ссылка относится к разделу выводов, среди которых есть заключение и о всеобщности пожаров, на основании тех данных, которые уже приводились и были рассмотрены выше. Никаких новых фактов не приводится.

Итак, археологические данные, на которые опирались авторы, сводятся к пожару одного помещения, расположенного около базилики 1932 г. и четырех помещений в квартале XV—XVI, примыкающих к базилике 1935 г. Никаких других пожаров, которые можно было бы хотя бы с некоторой долей условности, как это имело место в вышеприведенных

²⁵ Там же. С. 208.

²⁶ Там же. С. 207.

²⁷ Там же. С. 217.

²⁸ Там же. С. 217—218.

²⁹ Белов Г. Д., *Стржелецкий С. Ф.* Кварталы XV и XVI: (раскопки 1937 года) // Археологические памятники юго-западного Крыма: (Материалы и исследования по археологии СССР). М.; Л., 1953. Вып. 34. С. 89—91.

случаях, отнести к рубежу X—XI вв. не отмечено авторами выводов, не удалось найти³⁰ их и автору данной статьи.

Было отмечено, что дома, которые прекратили свое существование, по мнению Г. Д. Белова, на рубеже X—XI вв. или погибли в двух случаях в результате пожара в то же время, находятся около базилик. Наблюдение это сделано Г. Д. Беловым. Развивая его, он пишет: «Вполне возможно, что описываемые здания возникли одновременно с базиликой, а затем также одновременно с ней были разрушены. . .»³¹ Приведенное замечание автора находится в противоречии с его же высказыванием о гибели от пожара и, на наш взгляд, больше соответствует действительности. Вероятнее всего, в X—XI вв., если основываться на отчетах, более точно время определить нельзя, в данном месте города происходила перепланировка внутри кварталов. Уже было отмечено, что примерно в это время на смену большим базиликам приходят маленькие храмики-часовни. Некоторые из них строятся внутри базилик. Какими обстоятельствами это было вызвано, какие социальные явления скрываются за этим градостроительным явлением, сказать трудно, ибо вопрос в литературе не ставился и не рассматривался. Процесс перепланировки не ограничился лишь перестройкой храмов, но привел к изменениям в целом тех кварталов, в которых находились храмы. Поэтому предположение Г. Д. Белова представляется более реалистичным и заслуживает самого пристального внимания.

В книге В. А. Анохина утверждение о всеобщем пожаре дано без всякого обоснования, прокомментировать его никак нельзя. Точно также обстоит дело и с книгой И. В. Соколовой. Тезис о всеобщем пожаре и толстом мусорном слое, который покрывает все постройки более раннего времени, просто постулируется, подается как само собой разумеющееся и самоочевидное, уже не требующее никаких доказательств. Поэтому опровергать и оспаривать его невозможно.

При анализе доказательств пожара бросается в глаза явное несоответствие между всеобщностью вывода — ведь речь у А. Л. Якобсона и Д. Л. Талиса идет о всем городе или, во всяком случае, о его значительной части, — и узостью источниковедческой базы. По существу, авторы рассматривают очень маленький участок Херсонеса — лишь часть района, который именуется Северным берегом. Но когда их работы создавались, была раскопана уже значительная часть города, и исследованная площадь в несколько десятков раз превышала ту, которая попала в поле зрения авторов. Причем следует отметить, что раскопанные участки находятся в разных частях, а не сосредоточены в одном месте города и привлечение их могло бы дать более объективную картину. В частности, раскопана значительная площадь в северо-восточной части городища — 9 городских кварталов. В них жизнь протекала без какого-либо перерыва с IV в. до н. э. по XV в. н. э. Конечно, были за это время перепланировки, менялись размеры домов и их внутренняя структура, но резкого перерыва в жизни, опустошения на какое-то время не увидели в этом районе города катастрофических разрушений и исследователи, специально изучающие здесь жилые постройки, — А. Л. Якобсон и А. И. Романчук. Тот же А. Л. Якобсон в ряде случаев отмечает непрерывность существования отдельных зданий или комплексов с IX—X по XIII—XIV вв. Никто из исследователей не зафиксировал на этом участке грандиозного всеобщего пожара

³⁰ Как известно, И. В. Соколова провела передатировку монет с «ро», которые раньше, со времен А. В. Орешникова, приписывались Роману I. Этой же датировке следуют А. Л. Якобсон и Д. Л. Талис. А. И. Романчук использовала новую датировку монет с «ро», предложенную И. В. Соколовой, для передатировки слоя пожара в домах на Северном берегу, о которых шла речь выше. По ее предположению, пожар в этих домах произошел в конце не X, а XI в. (см.: Романчук А. И. Слои разрушения в X в. в Херсонесе: К вопросу о последствиях Корсунского похода Владимира // ВВ. 1988. Т. 50). Поскольку датировка И. В. Соколовой принята не всеми, я не счел возможным использовать этот материал. Но если предположение А. И. Романчук окажется правильным, то оно будет еще одним аргументом в пользу нашей точки зрения.

³¹ Белов Г. Д., Стрелецкий С. Ф. Кварталы XV и XVI. С. 90.

в указанный период. Пожары здесь были и горел практически каждый дом, но это случилось, по заключению А. Л. Якобсона, в позднем средневековье — в конце XIII—XVI вв.³²

Еще один большой раскопанный участок — Портовый район, примыкающий к юго-восточному участку оборонительной стены Херсонеса. Он раскапывался и в начале века К. К. Косцюшко-Валюжиничем, а с середины 1960-х годов и по настоящее время его исследует экспедиция Уральского университета. Полные отчеты о раскопках еще не опубликованы, но, насколько можно судить по имеющимся публикациям, никто из проводящих здесь работы археологов, не отмечал относящегося к концу X или к рубежу X—XI вв. всепожиряющего пожара или же катастрофических разрушений³³.

Таким образом, выдвинутая и обоснованная А. Л. Якобсоном, утвержденная Г. Д. Талисом и поддержанная рядом других исследователей точка зрения о «всеобщем пожаре»³⁴. Но на сегодняшний день она оказалась несостоятельной. Ни на одном из больших раскопанных районов Херсонеса последствия этого «всеобщего пожара» не прослеживаются. Утверждая это, совсем не хочу отрицать вероятность единичных пожаров в Херсонесе в это и не только в это время. Как хорошо показал А. Л. Якобсон, город в значительной степени был деревянным (в частности, многие вторые этажи домов в северо-восточной части города), а печки были в каждом доме. Кроме того, среди жилых домов находились керамические обжигательные печи и ряд других производств, где использовался сильный огонь. И, конечно, нельзя исключать, что осада и пребывание в Херсонесе князя Владимира прошли для города бесследно. Но вероятнее всего, изменения были в основе социальные и политические, а отнюдь не военные. Из летописи известно, что с Владимиром ушел священник Анастос и, вероятно, не он один. Вполне возможно допустить, что впоследствии в отношении домов и жилищ тех, кто помогал Владимиру, могли быть предприняты какие-то меры — разрушение и разграбление их и т. д. Но еще раз хочу подчеркнуть, что о грабежах и разрушениях города Владимиром не свидетельствует ни один источник.

В Херсонесе при раскопках обнаружено свыше десятка кладов конца X в., и ряд исследователей связывает их также с корсунским походом Владимира³⁵. Вероятно, это именно так, ибо, как показали работы нумизматов и историков, в частности Г. Ф. Корзухиной³⁶, клады формируются и зарываются в период социальных и военных катаклизмов. И, безусловно, взятие Херсонеса Владимиром было для города большим потрясением,

³² Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес. Гл. II: Жилые кварталы. С. 47—100. О непрерывном существовании бани в IX—X и в течение позднесредневекового времени см.: Там же, С. 86. О следах горения и пожарах см.: С. 58, 59, 60, 62 (II квартал) и С. 66—76 (III квартал).

³³ Отчеты о раскопках в Портовом районе не опубликованы, за исключением одного. Приходится пользоваться лишь сообщениями о них.

³⁴ Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес. С. 15.

³⁵ Соколова И. В. Монеты и печати. С. 55. Признавая возможность зарытия кладов в связи с осадой города Владимиром, хочу отметить, что это наблюдение И. В. Соколовой нельзя принимать за бесспорный факт. Как правило, зарытие кладов датируется по последней по времени имеющейся в кладе монете. В большинстве случаев таковыми являются монеты Василия II. Но Василий II скончался в 1025 г., т. е. спустя 37 лет после взятия Херсонеса Владимиром. Датировка выпуска монет этого императора по годам его царствования не разработана, и вполне возможно, что некоторые монеты были выпущены после 988—989 гг. Более того, не имела нумизматических данных И. В. Соколова, полагая, что после 989 г. монеты Василия II больше не выпускались, опирается на гипотезу А. Л. Якобсона о пожаре и разорении города: «Однако не смерть Василия II в 1025 году является гранью этой эмиссии, прекращение выпуска монет следует связать с важнейшим событием в истории города — взятием его войсками Владимира в 989 г.» (Там же. С. 52). Получается замкнутый круг: время зарытия кладов и прекращение эмиссии датируются по пожару, пожар же — в значительной степени по времени зарытия кладов.

³⁶ Корзухина Г. Ф. Русские клады IX—XII вв. М.; Л., 1954. С. 32—47. Раздел «О причинах зарытия кладов». Безусловно, конкретные выводы автора неприменимы к Херсонесу, но некоторые соображения общего характера вполне могут использоваться для анализа херсонесских кладов.

ибо не все, наверное, ждали Владимира и его войско так, как пресвитер Анастас. Только, к сожалению, в литературе пока не был даже поставлен вопрос — почему эти клады остались в земле, а не вернулись, после того как Владимир покинул город, к своим прежним владельцам. Чтобы понять причину этого, нужно разобрать отдельно положение с каждым кладом. Полагаю, что даже топографический ответ на этот вопрос мог бы сообщить интересные сведения.

Остается не рассмотренным вопрос о запустении западной стороны. Вопрос о большом пожаре здесь отпал, что было показано выше, т. к. К. К. Косцюшко-Валюжинич, на которого ссылается А. Л. Якобсон, такового не обнаружил при своих раскопках. Но о раннем запустении, наступившем на том участке, который он раскопал, К. К. Косцюшко-Валюжинич указывает, и это мнение, в значительной мере утрированное, прочно вошло в научный обиход. Вернемся к раскопкам Херсонесской экспедиции АН СССР, проводившимся в западном районе в 1983—1984 гг. Они опровергли это объяснение. Но прежде чем переходить к его изложению, отметим специфику западного района Херсонеса.

Специфика эта двоякого плана. Первый связан с топографическим положением города и его рельефом, второй — с тем, что возможно именно здесь находился при осаде лагерь Владимира и происходили наиболее активные действия древнерусских войск.

Западная часть Херсонеса не менее, а возможно, даже в большей степени, чем восточная (включая юго-восток) и центральная, важна для понимания истории города. Это положение становится нагляднее при обращении к плану Херсонеса. С северо- и юго-востока город сжат водой. С юга проходила глубокая балка, впадающая в Карантинную бухту, ныне совсем занесенная. Таким образом, с «большой землей» Херсонес, оправдывая свое название «полуострова», был связан только узким перешейком на западе. Это означало то, что рост территории города был возможен только в западном направлении. Как показали проведенные исследования, так в действительности и было, особенно в античный период. Таким образом, освоение или опустение западной части Херсонеса, характер и интенсивность ее застройки являются своеобразным барометром, показателем упадка или расцвета города. Обстоятельства сложились так, что археологические исследования Херсонеса проводились преимущественно в восточной и юго-восточной частях города, что вполне объяснимо. Названные участки являются политическим и экономическим центром города. Юго-восточная часть выходит на Карантинную бухту, где и в античный и в византийский периоды располагался морской порт — торговые ворота Херсонеса. Кварталы Северного берега, раскапывавшиеся экспедицией Государственного Эрмитажа, также примыкают непосредственно к центру. Западная же часть Херсонеса практически совсем не раскапывалась. Только в 1891 и 1901 гг. К. К. Косцюшко-Валюжинич исследовал участок, прилегающий к северо-западному углу оборонительных стен, на котором обнаружил базилику; этот участок был расширен работами Уральской экспедиции в 1957—1963 гг. Основной же массив западного района Херсонеса остается неисследованным — в настоящее время это огромное ровное плато, покрытое зеленью. Именно слабая археологическая изученность западной части Херсонесского городища дает почву для всяких спекуляций.

Вопрос о лагере Владимира и месте штурма города также имеет немаловажное значение. Вполне естественно полагать, что там, где был основной натиск, там должно быть больше разрушений. Хотя конкретно вопрос этот в литературе не разбирался, основания для его решения есть. С одной стороны, имеются достаточно подробные описания осады города в летописи с упоминанием живых реалий и топографических подробностей, с другой — оборонительные стены сохранились по всему периметру (возможно за исключением некоторых участков по морскому берегу). Задача, следовательно, заключается в том, чтобы идентифицировать стены с описанием летописей. Вопрос осложняется, правда, разным пониманием этого текста.

Но, касаясь здесь источниковедческих проблем, по которым между всеми исследователями есть разногласия и неодинаковые оценки источников, отметим, что по существу вопроса имеются две разные точки зрения — А. Л. Бертье-Делагард и Б. Д. Грекова. Согласно А. Л. Бертье-Делагарду, князь Владимир подходил к Херсонесу с моря и высадился на сушу вместе с войском в Карантинной бухте. Лагерь войска русских А. Л. Бертье-Делагард помещает по другую сторону Карантинной бухты, несколько выше городского порта, ближе к ее истокам. Основные военные действия, таким образом, приходится на юго-восточный участок оборонительной стены Херсонеса. «Только здесь он был по ту сторону города, и никакого иного решения нельзя придумать»³⁷.

По Б. Д. Грекову, флот князя Владимира вошел не в Карантинную, а в Стрелецкую бухту, а лагерь войска был вблизи бухты и стоянки флота, т. е. ближе к западному участку оборонительной стены. Соответственно и основные военные операции проходили на этом участке обороны города³⁸. Эту точку зрения разделяет и Н. В. Пятшьева³⁹.

Таким образом, западный участок стены Херсонеса является наиболее вероятным местом активных военных действий князя Владимира. И хотя об этом никто специально не писал и ни один из исследователей—сторонников версии пожара и опустошения западной части Херсонеса этот фактор не упоминает, но он незримо присутствует у всех авторов. Следы войны, как нам кажется, были обнаружены во время работ Херсонесской экспедиции, но совсем иные — несколько могил с 50—70 хорошими захоронениями в каждой и некоторые другие. Но крупных разрушений не было найдено, тем более никаких следов пожара⁴⁰.

Экспедицией в 1983—1984 гг. вблизи Западной базилики были обнаружены и раскопаны два больших жилых дома с полным набором домашних вещей, которые были разрушены не ранее конца XIV в., керамические обжигательные печи (!) в западной части Западной базилики и около нее позднесредневековые погребения точно такого же типа, как и в других базиликах. Было раскопано большое помещение около самой Западной базилики с большим количеством мраморных архитектурных деталей, остатками медеплавильного производства. Все это совершенно опровергает расхожее мнение о расхищении памятников города и о полном прекращении жизни после рубежа X—XI вв. Жизнедеятельность, возможно в несколько видоизмененных формах, продолжалась в западной части городища вплоть до конца XIV в. Какого-либо перелома в градостроительстве, смены построек, изменения планировки на рубеже X—XI вв. экспедицией не выявлено. Весьма вероятно, что этот вывод можно с полным основанием отнести, вопреки наблюдению К. К. Косцюшко-Валюжинича, и к территории Западной базилики, раскопанной им в 1901 году.

Дело в следующем, территория Херсонеса осталась свободна от современной застройки и в целом сохранила в первозданном виде свой древний рельеф, хотя незначительные нарушения его все-таки имели место. И первое и второе обстоятельства обусловлены были тем, что с конца XVIII в. херсонесская земля принадлежала военно-морскому флоту. Это спасло Херсонес от участи Пантикапея и Феодосии. Но для нужд флота в течение XIX в. было построено в Херсонесе три линии артиллерийских батарей, последовательно сменявших одна другую. Особого вреда культурным слоям

³⁷ Бертье-Делагард А. Л. Как Владимир осаждал Корсунь // Изв. Отделения рус. языка и словесности АН. СПб., 1909. Т. XIV, кн. 1. С. 9.

³⁸ Греков Б. Д. «Повесть временных лет» о походе Владимира на Корсунь // Греков Б. Д. Избр. тр. М., 1959. Т. II. С. 413—428, особ. 423—426.

³⁹ Пятшьева Н. В. Земляной путь рассказа о походе Владимира на Корсунь // СА. 1964. № 3. С. 104—114, особ. 105—106.

⁴⁰ Отчеты о раскопках Херсонесской экспедиции ИА АН СССР не опубликованы. Все они хранятся в архивах ИА АН СССР и Херсонесского музея. Итоги работ докладывались ежегодно на заседании Ученого совета Херсонесского музея на месте с показом как архитектурных остатков, так и обнаруженного материала. Работы экспедиции проводились под моим руководством.

городища эти батареи не причинили, но в отдельных случаях нарушение слоя привело к неправильным истолкованиям памятников. Именно такой случай и выявила Херсонесская экспедиция в 1983—1984 гг.

К югу от Западной базилики, сразу же у южной кромки ее раскопа обнаружен земляной вал, имеющий длину 35—40 м и высоту 2,5—3 м. Вал очень оплыл. Западная базилика, находящаяся к северу от него, расположена в глубокой низине. Этот вал — часть артиллерийской батареи, сооруженный в Крымскую войну.

Поскольку восточная часть вала находилась на площади, предназначенной для исследования экспедицией, он частично был срезан. При этом оказалось, что его насыпь состоит из земли, содержащей археологический материал, т. е. удаленный откуда-то культурный слой. Среди обнаруженного материала преобладал позднесредневековый, т. е. как раз тот, который отсутствовал в находящейся рядом Западной базилике, следовательно, оттуда и была взята земля. На наш взгляд, возможно единственное объяснение этого факта, а именно то, что земля для насыпи вала была взята с территории Западной базилики. Это и близко и удобно, ибо понижение уровня дневной поверхности перед батареей делало ее более защищенной. Здесь уместно вспомнить одно наблюдение К. К. Косцюшко-Валюжинича. Он отмечает в начале отчета, что в отличие от ряда других раскопанных им храмов, над которыми возвышались храмы, состоящие из обвалившихся стен и земли, территория Западной базилики до раскопок была ровная и была пустырем, т. е. стены из-под земли не торчали. Результаты работ 1983—1984 гг. объясняют и эту «особенность» памятника — вся земля ушла для создания вала.

Итак, единственное основание для утверждения об опустошении западной части Херсонеса на рубеже X—XI вв. после осады князя Владимира исчезло. В заключение еще раз можно повторить основной вывод — известный на сегодняшний день археологический материал не дает никаких оснований утверждать ни о «всеобщем пожаре», уничтожившем если не весь город, то во всяком случае значительную его часть, ни о запуске стении его западной части. Жизнь в этих городских районах продолжалась вплоть до XIV в.